

Часть первая

КЕЙ ДАЧ

1

Дальше, чем небо, — за границей населенных секторов Галактики, в той зоне космоса, которая традиционно именовалась Свободными Территориями, крошечный истребитель Алкари пытался уйти от корабля Империи. Человеческий корабль нельзя было назвать военным, не покрывив душой: он не был приписан к флоту, а его жилые отсеки отличались излишней роскошью. Однако защитные поля человеческого корабля были способны отразить залпы нейтринных пушек истребителя, а боевая надстройка казалась достаточно большой, чтобы вместить коллапсарный генератор.

Собственно говоря, она его и вмещала. До сих пор истребитель Алкари спасала лишь маневренность. Он не пытался вступить в безнадежный бой, а уходил от противника, меняя направление полета с такой легкостью, словно для него не существовали законы инерции. Это тоже было правдой.

Однако преимущество, делавшее птицеподобную расу такими опасными соперниками в околопланетарных боях, здесь, в трех парсеках от ближайшей звезды, лишь длило агонию. У алкарисов даже не оставалось времени, чтобы сориентироваться в пространстве и послать на Альтаир последний рапорт — о подлом нарушении Империей пакта о ненападении. Когда человеческий корабль приблизился на полукилометровое расстояние, истребитель прекратил маневры. Две тонкие турели развернулись к приближающемуся кораблю и дали залп — неви-

димый в межзвездном вакууме, но на мгновение заставивший защитные поля человеческого корабля вспыхнуть искристой радугой.

Ответа не последовало. Корабль приближался к истребителю, удивительно неуклюжий в сравнении с легкой машиной чужих. Его передатчики упрямо продолжали дпящуюся второй час передачу: короткий пакет импульсов, многие сотни лет назад принятый как приглашение к беседе всеми расами Галактики. Истребитель не реагировал.

Слабый лазерный луч впился в защитное поле алкарисов. Промоделированный все тем же сообщением, он заставил поле трепетать и светиться, словно подсвеченное прожектором знамя на ветру. Мощность луча плавно повышалась.

Покоряясь неизбежному, истребитель Алкари послал отклик — согласие на диалог. Лазерный луч исчез. Истребитель медлил еще несколько мгновений, потом погасил защитное поле. Человеческий корабль тормозил, выдвигая хрупкий конус переходного шлюза. Боевая надстройка была открыта, и зрелище активированного излучателя надежно удерживало алкарисов от соблазна нанести удар.

Кинотеатры на Таури начали строить год назад, как и по всей Империи. Кому из работников корпорации «Сетико» пришло в голову возродить древнее человеческое развлечение — неизвестно. Наверняка он заработал хорошую премию. Корпорация же увеличила свой оборот почти в полтора раза. Конечно, увлечение людей древними фильмами продлится недолго (по подсчетам психологов корпорации — еще шесть-семь месяцев), но это время готовились использовать полностью. Вывод старых видеозаписей обратно на киноленту стоил недорого, а кинотеатры возводились с расчетом на быструю перестройку в амбары, коровники и прочие полезные помещения.

Но пока кино переживало свой недолгий ренессанс.

«Иллюзион» был самым роскошным из таурийских кино-театров. Ему предстояло прожить дольше всех остальных, облуживая те пять процентов населения, которые в силу вязкости характера надолго застревали на культурных увлечениях. Для подобных лиц еще работали на каждой планете две-три публичные библиотеки с бумажными книгами, несколько тиров с пороховым оружием, кое-где сохранились трамплины — отголоски десятилетней давности лыжного бума.

Девушка сидела в последнем ряду, неосознанно копируя своих давних предков, рассматривающих кинотеатры прежде всего как место для свиданий. Впрочем, ее не слишком занимала ни рука юноши на плече, ни бумажный пакет с попкорном, вручаемый вместе с билетом. Ей действительно нравились старые фильмы.

— Рашель, — тихо прошептал парень.

Девушка мотнула головой, словно отгоняя назойливую муху. Ее спутник не уgomонился:

— Послушай...

— Я же сказала — потом.

Юноша мрачно уставился в огромный пластиковый экран. За спиной тарахтел проектор, и пылинки плясали в луче света над головой. Фильм был цветным, но не объемным, и это приводило его в ярость.

— Потом, — мягче сказала девушка, почувствовав настроение юноши. Коснулась его руки — на пальце блеснуло тонкое серебряное кольцо. — Поскучай... пока.

В голосе звучало обещание, но парень уже давно убедился, что в ее обещаниях есть жестко определенный предел отношений.

Рубка истребителя была узкой и слишком высокой на человеческий вкус. Ищущий Истину стоял у своего кресла-на-сеста, и хохолок мягких коричневых перьев дыбился на его голове. Похожий на ястреба-переростка, он, однако, никогда

не употреблял мясной пищи. Массивный роговой клюв был предназначен природой лишь для раскалывания ореховой скорлупы. Даже в рукопашных схватках алкарисы не использовали его как оружие.

Еще два алкариса, куда более низкого ранга, не имевшие для Ищущего Истину четко определенных имен, стояли рядом — с оружием, зажатым в кончиках крыльев. Судьба сделала пернатой расе два подарка — низкогравитационную планету, где они смогли достичь достаточных для зарождения разума размеров, не утратив возможности летать, и непредсказуемый климат, заставивший их бороться за выживание и совершенствоваться. Потом эволюция дала им хватательные придатки на крыльях. Это и стало решающим.

Пилот, Рваный Ветер, полулежал в пилотажном кресле, затянутый в сенсорную пленку. Он управлял истребителем движениями всего тела, фактически сам летел сквозь ледяную пустыню космоса. Сейчас он отдыхал, наслаждаясь минутами покоя, отрешившись от происходящего в рубке.

Дверь шлюза затрепетала, разрываясь десятком лепестков и втягиваясь в стены. Ищущий Истину издал негодующий клеткот, когда человек вступил в рубку истребителя, но не сдвинулся с места. Его телохранители также остались неподвижными.

Этот человек принадлежал к мужскому полу и был относительно молод (хотя что можно сказать о возрасте у расы, практикующей неограниченный аТан?). Очень мускулистый, высокий, темный, с короткой стрижкой. Безоружный и не в броне, но Ищущий Истину не страдал комплексом неполноценности, нередко возникающим у алкарисов, общающихся с иными расами. Что ж, обделенные физической силой, пернатые имели недоступное другим чувство пространства и скорость реакции. Но сейчас у Ищущего Истину возник резкий, как проблеск молнии, укол страха. Человек мог одним ударом руки сломать его тонкие кости, отшвырнуть легкое тело.

Окинув рубку быстрым взглядом, человек плавно развел руки. Полуприсел, с грацией, неожиданной для его телосложения, и замер в неудобной позе. Его руки описали круг и оказались заложенными за спину.

Ищущий Истину почувствовал любопытство. Ритуал уважения к врагу был выполнен с похвальной четкостью, притом в той вариации, которая не выглядела нелепой для гуманоида. Против воли, повинаясь инстинктам, алкарис совершил ответные движения. Круглые янтарно-желтые глаза впились в лицо человека. Мучительно коверкая горло, Ищущий Истину произнес на языке людей:

— Нач-чни, приз-земленный.

Вряд ли клокочущая речь алкарисов далась человеку легче, но на его лице это не отразилось. Грубый акцент резанул слух Ищущего Истину, однако фраза была выстроена безукоризненно.

— Воля неба — мы будем говорить. Мой путь пересек твой, и дай отдых гневу. Я знаю узор на своей скорлупе.

— Последнее — любопытно, — заметил алкарис.

— Никто не выйдет из скорлупы, даже тот, кто родился без нее, — мгновенно ответил человек.

Алкарис слегка склонил голову. Он не был истинным ценителем «Пятикрылия мудрости», но цитата была приведена удачно.

— Кто ты и чей? — На третьей фразе алкарис мог позволить себе любопытство.

— Я Кей Альтос, человек без родины.

Ищущий Истину молчал с полминуты, пока в его памяти раскручивались полотнища образов. Мышление алкарисов было своеобразно, и только зрительная память позволяла им надежно хранить информацию.

— Ты был на Хааране, — произнес он наконец.

— Да. — Красноречие, казалось, покинуло человека.

— Ты был добровольцем в частях ополчения, которые подавили восстание против Империи Людей. Ты прославился. Военные дали тебе прозвище «Корь».

— Я восхищен памятью Особого посланника, — тихо сказал Кей. — Тридцать пять лет — немалый срок... для вас. Но я не люблю это имя.

— *Корь* — это человеческая болезнь?

— Да.

— Оригинально, — заключил алкарис. — Ладно. Теперь я вижу тебя, а ты знал меня и так. Хорошо. Куда ведет тебя путь?

— Я хочу долгой беседы, Ищущий Истину.

— О чем, Кей?

— О Вселенной и Боге.

2

Кей Дач вернулся в свой корабль через полчаса. Истребитель алкарисов отстыковался прежде, чем он успел дойти до рубки, — эта раса не терпела несвободы. Однако, отделившись на десяток километров, истребитель застыл — хрупкая игрушка космоса, свободная от законов инерции, незыблемых для людей.

Рубка корабля оказалась небольшой, почти как на гиперкатере, четыре года назад погибшем на орбите планеты Грааль. Здесь тоже было лишь два пилотажных кресла, одно из которых ждало Кея.

— А ты боялся, — не поворачиваясь, сказал темноволосый юноша за боевым пультом. — Они ждут нас?

— Да. — Кей опустился в свое кресло, пристегнул ремни. Никакие гравикомпенсаторы не могли дать человеческим кораблям той плавности полета, которую имели алка-

рисы. — Посланник предоставил нам час на прокладку курса к Тэ-Ка 84.

Томми Кертис коснулся сенсоров пульта. Нахмурился, читая строки с дисплея.

— Кислородный мир? А почему ничейный?

— Поймешь. — Дач вынул из сервисного блока чашку с дымящимся кофе. Посмотрел на Томми с легкой иронией. — Не самое приятное место, но выбора нет. Алкарисы никогда не пойдут на серьезные переговоры в космосе при таком неравенстве сил. А любой освоенный мир, какой бы расе он ни принадлежал, даст моральное преимущество той или иной стороне.

— Ага. — Томми дочитал справку, проползающую по экрану в ритме движения его глаз, с легкой растерянностью перевел взгляд на Кея. — Поможешь проложить курс?

— Работай...

Конечно, доверять выбор гипермаршрута юноше, почти подростку, — не самый правильный поступок. Существуют миллионы путей, которые приведут их к Тэ-Ка 84, и лишь один или два, которые уведут в ничто. Причем определить их — логически — не сможет ни самый опытный пилот, ни мощный корабельный компьютер. Остается полагаться на Ее Величество Теорию Вероятности... и шестое чувство. Однако остальные пути, безопасные и правильные, различаются по энергоемкости и тому уровню износа, который они оставят в реаджекс-приводе. Два совершенно одинаковых корабля прослужат разным пилотам абсолютно несопоставимый срок, и все потому, что кто-то способен понять логику гиперпереходов, а кто-то — нет.

Но парню полезно взрослеть побыстрее. Дач смотрел на то, как Томми работает с компьютером. По экрану, незаметно раздвинувшемуся до метровой диагонали, бежали курс-пакеты — длинные столбцы цифр, несущие в себе траекторную информацию. При желании каждый столбец можно было рас-

шифровать до полного экрана чисел или превратить в текст на стандарте. Но Томми пытался работать по первичному файлу, и довольно успешно.

Хорошая наследственность, так, Кертис Ван Кертис?

Кея немного забавляло, что, становясь юношей, Томми абсолютно перестал походить на хозяина «аТана». Словно все черты взрослого Кертиса, которые были в мальчишке, смылись на время быстрым ростом и той странной жизнью, которую им пришлось вести. Интересно, как сейчас выглядит Артур? И похожи ли они друг на друга?

Искренне надеясь, что его маленькому клиенту не приходилось больше умирать, Дач предпочитал вспоминать его прежним.

На лбу Томми дрожала капелька пота. Он морщился, временами останавливая перебор курсов и вглядываясь в ту или иную последовательность чисел. Юный герой эпохи Смутной Войны, хоть сейчас снимай в детском сериале «Щит небес». Красивый, обаятельный и с той неуловимой *породой*, что так неотразимо привлекает женщин и вызывает невнятное раздражение мужчин. Последний год, заводя короткие интрижки в портовых городах, Дач ловил своих подруг на достаточно откровенных взглядах в сторону парня. Однажды он даже высказался при Томми по этому поводу. Тот смущенно предложил сделать пластическую операцию. А через несколько минут ехидно уточнил, кому именно.

Быстро же он преодолел страх перед Кеем. Наверное, потому, что при первом знакомстве убил его...

— Курс, — коротко сказал Томми, откидываясь в кресле. Дач вывел информацию на свой экран.

Да, действительно, курс. Не тот недостижимый идеал (время достижения — ноль, износ двигателя — ноль), о котором на каждой планете сложен десяток однотипных баек. Но более чем приличный, достойный самого опытного пилота показатель. Случайность, конечно, но достойная похвалы.

— Пойдет, хотя бывают решения и получше, — прокомментировал Дач. Потом связался с алкарисами и коротко сообщил, что они готовы к прыжку. Гиперсеть-генератор, которым они выдернули истребитель алкарисов в реальный космос, был давно отключен, и чужие исчезли из пространства почти мгновенно. С расчетом курса у них никогда не было особых проблем.

— Искать дальше? — искоса поглядывая на Кея, спросил Томми.

— Стартуй.

Во всполохах вторичного излучения корабль провалился в гиперпространство. И случайная точка в межзвездном вакууме, с момента Большого Взрыва не знавшая тел крупнее молекулы водорода, вновь опустела.

Еще на одну вечность. Для пустоты времени не существует.

Рашель и Гафур целовались в кабине флаера. Достаточно долго, чтобы юноше наскучил этот неизменный элемент программы. Увы, трехлетняя дружба дала ему понять, что на большее рассчитывать не приходится. Девушка высвободилась из его рук так ловко, что пытаться удерживать ее он даже не стал.

— Спасибо, что подбросил. — Рашель откинула полупрозрачный обтекатель кабины, спрыгнула на траву. Был вечер, неизменно тихий таурийский вечер, лишь на горизонте стужались сизые тучи обещанного ночного дождя. Слишком плотные, правда. Гафур молча смотрел на девушку.

Рашель отступила на шаг, сорвала с одного из деревьев, окружавших флаерную полянку, нежно-розовый, мягкий, как масло, плод. Отличный в этом году урожай, такой большой, что вызовет падение цен и миллионные убытки... Ей пришлось подпрыгнуть, дерево было уже порядком ободрано, и юбка из серебряной парчи плеснула по ногам.